

Песоцкая Светлана Александровна

СУЩНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК БАЗОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

В статье раскрывается сущность контекстуальности как одной из базовых характеристик национальной культуры, сочетание высокого и низкого контекстов в русской словесной культуре рассматривается как проявление "закона коммуникативного равновесия", показана связь степени проявления контекста с традиционными для национальной культуры способами познания мира, выявляется практическая значимость использования художественных текстов как репрезентантов базовых характеристик культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/33.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. I. С. 133-137. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

4. Кудашов В. И., Петров М. А. Эпистемологические проблемы понятия «знание» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (18). Ч. II. С. 112-114.
5. Лазарев Ф. В. О природе научных абстракций. М.: Знание, 1971. 30 с.
6. Румер Ю. Б., Рывкин М. С. Теория относительности. Изд-е 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 216 с.
7. Селиванов Ф. А. Истина и заблуждение // Селиванов Ф. А. Благо, истина, связь. Тюмень: РИЦ ТГАКИ, 2008. С. 55-112.

JUDGMENT APPLICABILITY DOMAIN

Perevozkina Natal'ya Yur'evna, Ph. D. in Philosophy
Tyumen' State Academy of Culture, Arts and Social Technologies
perevozkina@list.ru

The author for the first time analyzes judgment applicability domain in relation to its logical structure – subject and predicate, defines judgment applicability domain, researches the dependence of the correlation between the intensional and extensional aspects of applicability domain, considered as a set, on the type of its change, basing on the type of this domain change reveals four types of mistakes, and also reveals two ways of judgment applicability domain distortion.

Key words and phrases: knowledge applicability domain; judgment subject; judgment predicate; intensional; extensional; mistake; things; properties and relations.

УДК 008.009

Культурология

В статье раскрывается сущность контекстуальности как одной из базовых характеристик национальной культуры, сочетание высокого и низкого контекстов в русской словесной культуре рассматривается как проявление «закона коммуникативного равновесия», показана связь степени проявления контекста с традиционными для национальной культуры способами познания мира, выявляется практическая значимость использования художественных текстов как репрезентантов базовых характеристик культуры.

Ключевые слова и фразы: художественный текст как репрезентант базовых характеристик культуры; сущность контекстуальности; низкий, высокий контекст; критерии измерения / показатели контекста; способы познания мира; практическая значимость исследования контекстуальности.

Песоцкая Светлана Александровна, к. филол. н., доцент
Институт международного образования и языковой коммуникации
Томского национального исследовательского политехнического университета
selivanovaga@tpu.ru

СУЩНОСТЬ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТИ КАК БАЗОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ©

Термин контекстуальность впервые ввел американский антрополог и лингвист Эдвард Холл. Свои представления о низкой и высокой контекстуальности ученый высказал в трех книгах – «The Hidden Dimension» («Незримое измерение», 1966), «Beyond Culture» («За гранью культуры», 1976) и «The Dance of Life» («Танец жизни», 1983).

В трактовке Холла и его последователей категория контекстуальности отражает, как и какие средства коммуникации используют представители тех или иных культур. В одних культурах принципиально важное значение имеет содержание сообщения, выраженное на языке слов, в вербальной форме, и актуализируется то, что сказано, а не то, как сказано. Поэтому коммуникация в таких культурах слабо связана с контекстом: уделяется незначительное внимание тому, с кем и при какой ситуации происходит общение. Смысл высказываний ясен и без этих контекстуальных обстоятельств. Для таких культур характерен когнитивный стиль обмена информацией, при котором значительные требования предъявляются к беглости речи, полноте высказываний (иногда свойственна даже многословность), ясности выражения мыслей, точности использования понятий и логике высказываний. Представители таких культур стремятся развивать свои речевые навыки. А сами такие культуры принято называть низкоконтекстуальными.

Напротив, коммуникация с высоким контекстом – это «такая коммуникация, в которой основное значение сообщения заключено в контексте и лишь небольшая его часть находится в самом сообщении» [11, р. 229]. Смысл сказанного в высококонтекстуальных культурах зачастую трудно, а иногда и невозможно понять только из содержания самого высказывания. Для этого необходимо учесть многие контекстуальные обстоятельства, к которым относятся:

- возраст, социальный статус, образование и другие характеристики адресата и адресанта;
- место и время высказывания;

- фоновые знания: визуальная, пространственная, причинная, кинематическая, эмоциональная информация, знания о типичных правилах поведения в культуре, на языке которой происходит общение.

Таким образом, контекстом можно назвать совокупность контекстуальных обстоятельств. С точки зрения автора настоящей статьи, учет обстоятельств контекста – важнейшее условие успешной не только межкультурной, но и внутрикультурной коммуникации.

Критерии/показатели, позволяющие выявить степень контекстуальности:

- актуализация реалий окружающего мира (те реалии, которые в одних культурах воспринимаются как первостепенно значимые, в других культурах могут восприниматься как периферийные, и наоборот);

- соотношение вербальных и невербальных элементов коммуникации (например, в одних культурах чаще, а в других гораздо реже используются жесты. Низко- и высококонтекстуальные культуры различаются также длиной и смысловой значимостью пауз: в высококонтекстуальных культурах паузы при общении коммуникантов длиннее, но при этом не вызывают ощущения дискомфорта и являются весьма значимым элементом коммуникации);

- использование сокращенных либо расширенных языков общения (в сокращенных языках многие речевые структуры существуют в «свернутом виде», «не проговариваются», значительно шире область подразумеваемого, чем в расширенных языках);

- качества слова в речи коммуникантов:

а) полнота словесного выражения / недоговоренность;

б) индивидуальная окрашенность речи коммуникантов / клишированность («сглаженность») речи (не во всякой культуре яркая, индивидуализированная речь поощряется и может восприниматься как нормативная в одной и той же коммуникативной ситуации);

в) эмоциональность/сдержанность (это качество, как правило, непосредственно связано с предшествующим и зависит от него);

г) точность, ясность, прямота выражения смыслов / двусмысленность, смысловая неопределенность (так, коммуникативная двусмысленность является характерной особенностью культур Востока; манера же американцев четко и ясно формулировать цель коммуникации и сразу «брать быка за рога» выглядит примитивной и даже вульгарной в глазах восточного человека).

Культура США является ярким представителем низкоконтекстуальной культуры. Индивидуализм американской культуры побуждает ораторов из этой страны высказываться ясно и четко, сразу выдвигать свои аргументы, чтобы вызвать реакцию у оппонентов.

Однако национальная культура неоднородна. Напоминая слоеный пирог, она состоит из множества субкультур. Уровень контекстуальности в этих субкультурах может быть разным. К примеру, для русской народной культуры характерен гораздо более высокий контекст по сравнению с элитарной культурой. Неслучайно пословица «Слово – серебро, молчание – золото» родилась в лоне народной культуры и демонстрирует высокую контекстуальность последней. Низкая контекстуальность русской элитарной культуры в первую очередь проявляется в художественной литературе и науке, находя свое выражение в таких специфических чертах последних, как:

1) высокий статус слова;

2) ясность, недвусмысленность, логичность, четкость, полнота высказывания как критерии положительной оценки речи;

3) наличие развитой традиции риторики.

На последнюю из указанных черт указывает существование множества жанров, обучающих искусству устной речи, – пособий, трактатов, учебников, руководств, компендиумов. Мы обнаруживаем их в культурах России и большинства европейских стран, в особенности Греции (родине ораторского искусства) и Италии. В культуре древней Руси словами «речь» и «слово» обозначались не только те понятия, которые мы имеем в виду в настоящее время, но и жанры устного и литературного словесного творчества. Вспомним «Слово о полку Игореве» неизвестного гениального автора, «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, «Слово о взятии Рязани Батыем», знаменитые речи князей на княжеских пирах и хвалебные речи в адрес князей. Даже в современной русской научно-популярной литературе сохраняются такие названия, как «Слово о словах» Л. В. Успенского (сравните: «Книга о языке» Д. Фолсома). Эти и другие многочисленные примеры подтверждают значимость слова в русской культуре, его высокий статус и являются свидетельством низкой контекстуальности русской элитарной культуры.

Существование герменевтики – науки толкования текстов, а также самих концепций толкования культуры, понимающих ее как сплошной Гипертекст, также есть свидетельство низкой контекстуальности культур [10, с. 102].

Низкая контекстуальность русской элитарной культуры, безусловно, складывалась при сильном влиянии западной культуры и проявлялась в том, что вместе с «прививкой» западного мышления передовое русское дворянство усваивало и манеру словесного выражения. Ф. М. Достоевский в «Дневнике писателя» за 1876 г. (май-октябрь) писал: «У нас – русских – две родины: наша Русь и Европа, даже и в том случае, если мы называемся славянофилами (пусть они на меня за это не сердятся). <...> многое, очень многое из того, что мы взяли из Европы и пересадили к себе, мы не скопировали только, как рабы у господ и как непременно требуют того Потугины, а привили к нашему организму, в нашу плоть и кровь; иное же пережили и даже пострадали самостоятельно, точь-в-точь как те, там – на Западе, для которых всё это было свое родное. <...>

Вот этот-то процесс всего яснее и осязательнее можно выследить отчасти и на отношении нашем к литературам других народов. Ихние поэты нам, по крайней мере большинству развитых людей наших, точно так же родные, как и им, там у себя – на Западе. Я утверждаю и повторяю, что всякий европейский поэт, мыслитель, филантроп, кроме земли своей, из всего мира, наиболее и наироднее бывает понят и принят всегда в России. <...> Это русское отношение к всемирной литературе есть явление, почти не повторявшееся в других народах в такой степени, во всю всемирную историю...». В таком отношении писатель увидел «самый широко обещающий и самый пророческий факт в гаданиях о нашем будущем» [5, с. 30-31].

Признавая значение «двухсотлетнего европеизма» русской интеллигенции [6, с. 11] и считая его тем культурным наследием, от которого нельзя отказаться даже в пользу народности («наше пусть остается при нас, и мы не отдадим его ни за что на свете, даже, в крайнем случае, и за счастье соединения с народом. В противном случае пусть уж мы оба погибам врозь» [Там же, с. 45]), писатель в первую очередь отстаивал самобытность России и русской культуры как явления «совсем самостоятельного и особенного, на Европу совсем не похожего и самого по себе серьезного» [Там же, с. 43]. Под словом «наше» Достоевский имел в виду не только образованность русской интеллигенции, более чем два века ее учебы у Запада, но и берущее начало с петровской реформы «расширение взгляда беспримерное», которое является продуктом усвоения и самобытной переработки уроков западной школы широкой русской душой: «С Петровской реформой явилось расширение взгляда беспримерное – драгоценность, которую мы, верхний культурный слой русский, несем народу после полуторавекового отсутствия из России и которую народ, после того как мы сами преклонимся пред правдой его, должен принять от нас *sine qua non*, без чего соединение обоих слоев окажется невозможным, и всё погибнет» [Там же, с. 46]. Отвечая на вопрос: «Что же это за “расширение взгляда”», писатель подчеркивает: «Это не просвещение в собственном смысле слова и не наука, это и не измена тоже народным русским нравственным началам, во имя европейской цивилизации; нет, это... почти братская любовь наша к другим народам, выжитая нами в полтора века общения с ними; это потребность наша всеслужения человечеству, даже в ущерб иногда собственным и крупным ближайшим интересам; это примирение наше с их цивилизациями, познание и извинение их идеалов, хотя бы они и не ладили с нашими; это нажитая нами способность в каждой из европейских цивилизаций или, вернее, в каждой из европейских личностей открывать и находить заключающуюся в ней истину, несмотря даже на многое, с чем нельзя согласиться. Это, наконец, потребность быть прежде всего справедливыми и искать лишь истины» [Там же, с. 47].

Размышления великого писателя подталкивают к мысли, что низкую контекстуальность русской элитарной культуры нельзя объяснить только культурным влиянием Запада. Скорее всего, актуализация этой базовой характеристики культуры объяснялась и потребностью русской культуры в самоосмыслении как условия решения задач национального развития, и психической чертой в структуре национальной ментальности – потребностью в поиске истины.

Если рассматривать русскую культуру как целостное образование, то в рейтинговой шкале по критерию контекстуальности она займет среди других культур срединное положение. Промежуточность русской культуры как культурного типа проявляется в том, что она является самой высококонтекстуальной в ряду низкоконтекстуальных культур и, наоборот, самой низкоконтекстуальной в ряду высококонтекстуальных.

Измерение базовых характеристик национальной культуры существенно осложняется тем, что одна и та же базовая характеристика может по-разному проявлять себя в разных субкультурах и коммуникативных ситуациях внутри одной национальной культуры, а значит, может иметь разные показатели. На это указывал еще Э. Холл. В книге «Beyond Culture» ученый, в частности, отмечал: «Ни одна культура не может находиться исключительно на одном конце шкалы степени выраженности контекста, являясь культурой с низким или высоким контекстом» [11, р. 79]. И далее: «Любой акт социального действия может характеризоваться высоким, низким или средним контекстом» [Ibidem, р. 88]. Впоследствии эта идея Э. Холла так и не была применена на практике. Отчасти ученый сам дал основание для этого, пытаясь свести национальную культуру в целом к низкому или высокому контексту: «Американская культура находится не в самом низу шкалы, а в ее нижней части. Мы, американцы, по степени выраженности контекста, используемого в повседневной жизни, по шкале расположены выше швейцарцев немецкого происхождения, немцев и скандинавов» [Ibidem, р. 79].

Между тем в любой национальной культуре к ситуациям с высоким контекстом можно отнести общение влюбленных, язык которых часто понятен только им одним, общение супругов, много лет проживших вместе в любви и согласии, диалог единомышленников-профессионалов, членов субкультурных и этнических группировок, близких друзей (см. русскую идиому «понимать с полуслова»), все ситуации теплого, душевно-интимного общения, моменты постижения сакральности культуры, ее тайн. И напротив, во всех национальных культурах учебные ситуации большей частью являются низкоконтекстуальными – в тех, конечно, случаях, когда они касаются умопостигаемых идей и истин, познаваемых на рационально-логическом, но не на чувственном уровне. Обучение восприятию текстов произведений поэзии составляет исключение, так как может относиться к моделированию ситуаций с высоким контекстом. Хотя литературоведение и является наукой, но оно граничит с искусством, в котором процесс познания имеет иную природу: в нем важно не только и не столько логическое понимание, сколько эмоциональное переживание и образное постижение действительности. Возможность высокого уровня проявления контекстуальности в учебном дискурсе подтверждается различиями в способах и приемах обучения: в то время как в одних культурах в качестве основных используются имитация, подражание примеру-образцу, для которых в принципе не характерно многословие (например, в китайской культуре), в других культурах важнейшее место принадлежит таким приемам и способам обучения, как доказательство и дискуссия (в древнегреческой культуре или культуре современных Франции, США, России).

Роман Б. Пастернака «Доктор Живаго» содержит множество примеров высококонтекстуальных ситуаций. Для понимания их смыслового поля чрезвычайно важны ассоциативные связи с контекстом, в которые вступают отдельные лексические единицы языка. Без этих ассоциативных связей, которые можно считать своего рода маркером высокого контекста, нельзя понять подлинное значение отдельных слов. Так, в эпизоде романа, описывающем неожиданное и чисто интуитивное понимание Юрием Живаго, что Тоня – его судьба, задушевность и разумность отношений духовно близких людей ассоциируются со *словом*, сказанным *шепотом в темноте*: «Детски-наивный запах (Тониного платка – С. П.) был задушевно-разумен, как какое-то слово, сказанное шепотом в темноте» [9, с. 97].

В данном эпизоде, кроме ассоциативных связей с контекстом, о высокой контекстуальности в повествовании Пастернака свидетельствует сжатый стиль коммуникации с присущими ему недоговоренностью, намеками, смысловой неопределенностью (местоимение *какое-то* – тому подтверждение). Сжатый стиль коммуникации исключает прямоту словесного выражения. Так, писатель не употребил ни одного выражения, вроде «Юрий понял, что Тоня – его судьба, предначертанная ему свыше». Но именно этот смысл читатель должен «вычитать» из контекста.

Признаком высокой контекстуальности в данном примере можно считать и сам предмет изображения – мир неповторимых, трудноуловимых чувств, которые почти невозможно выразить на языке слов.

Автор статьи полагает, что высокая контекстуальность проявляется и в привычке доверять интуитивному пониманию жизни, интуитивному восприятию этических ценностей.

Однако если иметь в виду роман как целое, то нельзя утверждать, что один из видов контекстуальности доминирует над другим. В тексте произведения не менее очевидны и проявления низкой контекстуальности, которые сказываются в способе изображения действительности – многословии, детализации, нюансировке чувств, которую писатель проводит с немецкой обстоятельностью более чем на 500 страницах прозаического текста, к тому же завершеного и обобщенного на 40 страницах стихотворений Юрия Живаго, составляющих приложение к роману. Здесь традиция русского психологического романа соединяется с западной школой философствования – навыками неокантианского мышления, полученными Пастернаком в философской школе Марбурга, где русский поэт получил предложение продолжить карьеру на кафедре философии с перспективой занять должность профессора [7, с. 609].

Таким образом, если характер рефлексии автора, его ощущение жизни отсылают к высокому контексту («русский народ по своей душевной структуре народ восточный» – считал Н. А. Бердяев [1, с. 7]), то способы речевого выражения часто воспроизводят низкий контекст. Это сочетание низкого и высокого контекстов подтверждает сформулированный С. Н. Глазковой «закон коммуникативного равновесия» [3, с. 47-50], который автор настоящей статьи называет «принципом компенсаторности» в культуре: два противоположных качества или тенденции создают баланс, необходимый культуре для достижения гармонического целого.

С точки зрения автора настоящей статьи, практическая значимость использования произведений художественной литературы в качестве репрезентантов базовых характеристик культуры заключается в том, что анализ художественного текста помогает **уточнить и расширить представление о содержании данных базовых характеристик и их природе, увидеть конкретные формы воплощения последних в слове**. Так, высокий контекст в художественном произведении может, в частности, указывать на представление говорящего/пишущего о преимуществе мысли над словом – о различии в объеме и глубине содержания, которое разделяет мысль и слово, подтверждая слова поэта: «Мысль изреченная есть ложь». Главный герой романа Ф. М. Достоевского «Подросток» Аркадий Долгорукий рассуждает: «Может, я очень худо сделал, что сел писать: внутри безмерно больше остается, чем то, что выходит в словах. Ваша мысль, хотя бы и дурная, пока при вас, – всегда глубже, а на словах – смешнее и бесчестнее» [4, с. 36].

Художественный текст со всей очевидностью демонстрирует интуитивное понимание носителями высококонтекстуальных культур различия между мыслью и словом, которое объясняет причину установленной культурологами разницы в объемах подразумеваемого и сказанного вслух представителями разных национальных культур. Эту разницу Р. Льюис схематически представил в виде айсберга «речь – мышление», верхняя часть которого, находящаяся «над водой», означает объем сказанного, а нижняя часть, находящаяся «под водой», символизирует объем подразумеваемого [8, с. 274-275]. Если у представителей низкоконтекстуальных латиноамериканских культур «над водой» находится большая часть айсберга, то у представителей высококонтекстуальной финской культуры – лишь маленькое острие айсберга, которое еще меньше по объему у носителей японской культуры [Там же, с. 275].

Автору статьи представляется несомненным и то, что различия в степени выраженности контекста обусловлены различиями в мыслительных привычках и навыках, способах познания действительности, традиционных для определенной национальной культуры. Так, хотя в недрах низкоконтекстуальной французской культуры и родилась фигура крупнейшего представителя иррационалистической мысли А. Бергсона, а немецкоязычная культурная среда дала миру К. Юнга, но в целом интуитивизм, иррационализм, мистический опыт и практики являются прерогативой духовной традиции Востока. И напротив, классика рационалистической мысли принадлежит миру моноактивных культур с доминированием в ее элитарных сферах низкого контекста.

Изучение степени проявления контекстуальности в культуре позволяет понять особенности семиотического самовыражения культуры с присущими ей способами и средствами, выявить соотношение вербального и невербального языков в структуре культуры, что внесет существенный вклад в понимание морфологии культуры.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Гачев Г. Д. Космо-Психо-Логос: национальные образы мира. М.: Академический Проект, 2007. 511 с.
3. Глазкова С. Н. Культурологический закон коммуникативного равновесия // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 4 (10). Ч. 2.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Л.: Наука, 1975. Т. XIII. 458 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. XXII. 408 с.
6. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Л.: Наука, 1981. Т. XXIII. 425 с.
7. Краткая летопись жизни и творчества Б. Л. Пастернака // Пастернак Б. Л. Стихотворения. Поэмы. Проза. М.: Олимп; ТКО АСТ, 1996. С. 608-614.
8. Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию / пер. с англ. М.: Дело, 1999. 440 с.
9. Пастернак Б. Л. Избранное: в 2-х т. СПб.: Кристалл, 1999. Т. 2. Доктор Живаго: роман. 560 с.
10. Песоцкая С. А. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие. Изд-е 3-е, испр. и доп. Томск: Изд-во ТПУ, 2012. 214 с.
11. Hall E. Beyond Culture. Garden City – N. Y.: Anchor Press; Doubleday, 1976. 256 p.

**ESSENCE AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF CONTEXTUALITY RESEARCH
AS NATIONAL CULTURE BASIC CHARACTERISTIC**

Pesotskaya Svetlana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

*Institute of International Education and Language Communication of Tomsk National Research Polytechnic University
selivanovaga@tpu.ru*

The author reveals the essence of contextuality as one of the basic characteristics of national culture, considers the combination of high and low contexts in the Russian verbal culture as the manifestation of “communicative equilibrium law”, shows the connection of context manifestation degree with the traditional ways of the world cognition typical of national culture, and reveals the practical significance of using literary texts as the representatives of culture basic characteristics.

Key words and phrases: literary text as representative of culture basic characteristics; contextuality essence; low, high context; measurement criteria / indicators of context; ways of the world cognition; practical significance of contextuality research.

УДК 32

Политология

В статье рассматривается косовский кризис как прецедент в политике Германии по пересмотру условий Московского соглашения 1990 г., согласно которому суверенитет ФРГ не был восстановлен полностью. Особое внимание уделено политике США, Франции, Британии, которые в рамках НАТО «заморозили» самостоятельные действия Германии на Балканах. В итоге автор приходит к выводам, что косовский конфликт стал этапом на пути к расширению суверенитета ФРГ, но, тем не менее, «немецкий вопрос» остался открытым.

Ключевые слова и фразы: косовский кризис; ограниченный суверенитет; Московский договор; НАТО; Контактная группа; СФРЮ; Германия; США; бомбардировки СРЮ.

Пинчук Иванна Ивановна

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
pinchukivanna@gmail.com*

ПОЛИТИКА ГЕРМАНИИ В КОСОВСКОМ КОНФЛИКТЕ 1990-Х ГОДОВ©

На рубеже 1980-х и 1990-х гг. в мировой политике произошли революционные изменения. Одним из них было объединение Германии в 1990 г., которое изменило соотношение сил в Европе. Ряд политологов стран Западной Европы (Д. Андерсон, Д. Гудман, В. Смысер) заговорили о возможности восстановления статуса Германии как одного из ведущих государств в мире. Однако по условия Московского договора 1990 г. державы-победительницы (СССР, США, Британия, Франция) сохранили режим частичного ограничения немецкого суверенитета [27]. Это ограничивало возможность превращения Германии в полноценную «великую державу».

Двойственная роль объединенной Германии проявилась в ходе Балканских конфликтов 1990-х гг. Правительства Г. Коля (1982-1998) и Г. Шредера (1998-2005) пытались использовать конфликты на территории